Исправный часовой

Петр, в свободное от государственных занятий время, занимался разными мастерствами и между прочим токарным. Один раз, проходя в свою токарную мастерскую, Государь приказал часовому никого не впускать. Прошло не более получаса, как к дверям подходит первый любимец Петра князь Меншиков и, узнав от часового, что государь в мастерской, хотел войти туда.

– Государь не велел никого пускать к себе, – говорил часовой.

– Меня ты можешь пустить, – отвечает Меншиков.

– Не пущу.

– Да ты знаешь ли, кто я?

– Знаю, а все-таки не пущу.

– Мне до крайности нужно видеть Государя.

– Что ни говори, а мне все равно: я знаю только, что мне не приказано пускать.

– Дерзкий! Знаешь ли ты, что я как полковник твой, могу тебя сейчас же сменить и жестоко наказать.

– Когда сойду с часов, ты можешь делать со мной, что угодно, а я все-таки и тому, кто меня сменит, передам царский приказ, чтобы никого не пропускать.

Меншиков рассердился и хотел войти силою, оттолкнув от двери часового; но тот, взявши ружье на руку, наставил штык против груди Меншикова и грозно закричал:

– Отойди, или я заколю тебя!

Меншиков поневоле должен был отступить несколько шагов от грозного часового, который так решительно показал, что он готов на самом деле исполнить свою угрозу.

Между тем происшедший шум привлек внимание Петра, который, вышед из двери, увидел князя Меншикова, к груди которого гренадер приставил свой штык.

– Что это такое? – спросил удивленный Государь.

Меншиков жаловался на часового, который грозился заколоть его. Петр обратился к солдату, который отвечал:

– Вы приказали, Ваше Величество, не впускать к себе никого, а он хотел войти силою, оттолкнув меня от двери. Что же мне было делать? И я бы его заколол, если б он продолжал не слушаться.

При этом гренадер рассказал царю весь свой разговор с Меншиковым и угрозы, которые делал ему князь. Тогда Государь, обратясь к Меншикову, сказал:

– Ну, Данилыч, он лучше твоего знает свою обязанность. Мне было бы очень жаль, если бы он заколол тебя, и ты пропал бы ни за грош.

Государь похвалил солдата, пожаловал ему пять рублей, а придворному живописцу приказал нарисовать картину, представив Меншикова и солдата в том положении, в каком он застал их, отворив дверь. Картина эта была повешена над дверьми той комнаты, где произошла эта сцена.